

К нам с хорошей песней

трастирует и ваше увлечение «не самой оптимистической» поэзией, и прямой призыв в песне «Под музыку Вивальди»: «Печалиться давайте об этом и о том». В чём смысл печали?

— Печаль моя светла... Борис Слуцкий говорил: «Думать надо, а не улыбаться».

— А это взаимоисключающие вещи?

— Нет, конечно, но окружающая жизнь просто стимулирует нас к размышлению, к анализу, и это очень полезное дело. Что касается центральных каналов СМИ — как в советское время власть не хотела, чтобы народ думал, так и сегодня. Чтобы голосовали бездумно, чтобы смотрели в рот начальству. Многие знания — многие печали, так всегда было. Но я ничего плохого в этом не нахожу.

— Ваша песня «Переведи меня через майдан» стала гимном киевского майдана — хоть и без последнего куплета. Вас это радует или печалит?

— Я напомним: это стихи Виталия Коротича, которые на русский язык перевела Юнна Мориц, а мой вклад достаточно скромный — я просто спел стихи...

— Но благодаря вам они пошли в народ.

— Ну, правда, года два или три у меня крутилась эта фраза: «Переведи меня через майдан», я никак не мог поймать мелодию, а потом Владимир Высоцкий ушёл из жизни, и тогда мы посвятили его памяти эту песню — она как раз была закончена. А вообще эти стихи гораздо шире киевского майдана. Здесь вся жизнь человека проходит. Песня заставляет нас, ещё живущих на этой земле, задуматься: а для чего ты родился на белый свет? И майдан здесь — не площадь незалежности, а поле жизни. Жизнь прожить не поле перейти — тут Коротич переключается с Пастернаком. Кстати, слово «майдан» — тюркского происхождения. В Узбекистане это означает большой загон для скота, в Сербии это плёс на реке Дунай. А с недавних пор я стал ездить в Архангельскую область, там мне понравилась деревня, которая называется Майдан, уж почему, трудно сказать... Ну, о политике сейчас говорить не будем.

— Тогда вернёмся к разговору о творчестве. Сегодня много пишут для детей, но очень резко чувствуется разница между советской классикой, золотым фондом авторской песни и современными поделками, звучащими из репродукторов на всевозможных мероприятиях. Какими должны быть настоящие детские песни?

— Это такие песни, которые родители, бабушки и дедушки поют своим детям и внукам перед сном или, наоборот, утром. То, что действительно людям нужно. А то, что мы частенько видим на разных конкурсах, когда детей заставляют подражать взрослым дядям и тетям из шоу-бизнеса, Евровидение детское — это всё ужас. Гламур, который представляет собой одну форму, а внутри пустота. Я по этому поводу печалюсь.

— Что бы вы посоветовали автору, который хочет писать для детей?

— Писать то, что он сам будет петь своему ребёнку. Но тут зависит от его воспитания. Главное — чтобы в душе какое-то движение рождалось, а не просто притоп и прихлоп.

— Если перейти к музыкальной составляющей песни... Вот вы — живое опровержение мифа, что авторская песня — это три аккорда...

— Дело не в количестве аккордов. В песнях Юрия Кукина, которого я очень люблю, может быть, больше пяти аккордов и не наберётся, но это люди поют. Или, скажем, песни Визбора, одного из самых популярных авторов. Они тоже такой человеческий заряд содержат, что их хочется петь, подпевать. Может быть, более сложные варианты музыки — у Виктора Луферова, Александра Мирзаяна или у «Иваси». У каждого автора есть свои любимые музыкальные ходы, свой почерк. Я всегда особое внимание уделял гармонической стороне музыкальных решений. И до сих пор на моей гитаре открываю что-то новое. Когда в, казалось бы, простой мелодии какая-то изюминка возникает — мне это интересно. Поэтому мне очень близко творчество Микаэла Таривердиева, и он меня приглашал исполнять его песни в фильмах, и я честно на моей гитаре воспроизводил то, что у него было в клавише написано.

— Сергей Яковлевич, есть даже люди, которые из любви к вашему творчеству играют на семиструнке и перенимают ваш особый, «цыганский» строй. А кто стал творческим ориентиром для вас?

— Мне было интересно то, что делал Евгений Клячкин на семиструнной гитаре. Он тоже гармонической стороне уделял внимание. И мне хотелось подбирать: «Этот город — он на вид угрюм, краски Севера, полутона, этот город — он тяжелодум, реки в камень он запеленал...» — здесь столько гармонических отклонений, и это интересно, каждое отклонение даёт чувство новизны, свежести. Он не намного старше меня, на несколько лет всего, мы с ним дружили, обменивались опытом, восхищались друг другом... А из иностранцев — я же увлекался джазом — американский гитарист Джо Пасс и бразильский композитор Антонио Карлос Жобим. (Наигрывает) «Куплю тебе платье такое, какие до нас не дошли...» — это под влиянием Жобима (прим. ред.: стихи Дмитрия Сухарева). У меня довольно много таких ходов из бразильской босановы.

С другой стороны, Рахманинов. Когда я ещё только осваивал гитару, любил такую игру — если мне что-то непонятно, как там у Рахманинова во втором концерте для фортепиано с оркестром что-то устроено, я это должен был подобрать. И не успокаивался, пока не подбирал. Это способ изучения, самообразования.

А из современных композиторов — Геннадий Гладков, мой кумир, потрясающий человек. Юлий Ким как нечто цельное — он прекрасный русский поэт, обладающий способностью стилизовать, импровизировать, а в его музыке, несмотря на суровую судьбу, столько радости жизни, это просто как фонтан, и Ким всегда меня вдохновлял.

— Кто из молодёжи в авторской песне вам близок?

— Внимательно слежу за творчеством Елены Фроловой, талантливая девушка, у неё есть очень удачные музыкальные решения в песнях на поэзию золотого фонда. Андрей Крамаренко, челябинец, теперь уже москвич. Нравится Ольга Чикина из Рязани. В Москве живёт Петя Термен, правнук известного изобретателя терменвокса, первого в мире электронного музыкального инструмента, но не это главное его достоинство. Пётр уже

в 16 лет был серьёзным думающим человеком, он и стихи пишет, и музыке, но пока ещё мало известен, мне повезло, что я с ним познакомился.

— С Петром Терменом нам доводилось пересекаться, правда, виртуально, — кстати, могу посоветовать нашим читателям поискать его творчество в Интернете... А сами вы через Интернет налаживаете контакты, общаетесь?

— Времени на это не хватает, хотя и страничка есть на Фейсбуке.

— Это именно вы, настоящий Сергей Никитин, или, как это бывает, поклонники творчества ведут страничку?

— Да, это я, но бываю там редко. Вот страничку ВКонтакте ведут молодые люди из Ленинграда, но это согласовано со мной.

— Авторская песня, концертные выступления для вас — разговор с избранными, или всё-таки вы рассчитываете на широкий круг?

— Песни — это разговор со всеми, кому интересно то, что мы делаем. Когда просят определить, кто наша аудитория, — это люди, еще не утрачившие привычки книжки читать и задумываться о смысле жизни. Иногда они приводят, как говорится, свежих людей, которые ещё мало знают и мало слышали, и если они благодаря нам связывают представление об авторской песне с именами Окуджавы, Галлица, Визбора и нашими, мы считаем свою задачу выполненной. Если они начнут рыться в Интернете или пытаться достать диски, это замечательно.

«Авторская песня — это музыкальное интонирование произведений русской поэзии». Мне нравится такая формулировка. Поэзия в приоритете. Но песня не есть простая сумма поэтического и музыкального текста. В случае удачи должен возникнуть слав, некое третье качество, и тогда поэтическое слово обретает крылья, обладает повышенной полётностью и повышенной проникающей способностью.

— Есть старая байка про Раневскую и Ахматову. За Фанной Георгиевной бежали дети с криками: «Муля, не нервнирай меня», Раневскую это раздражало. Анна Андреевна вспомнила, как её всё время просили прочесть стихотворение: «Сжала руки под тёмной вуалью...» И она сказала: «У каждого

свой Муля». А у вас такой «Муля» есть?

— (Смётся) «Резиновый ёжик», конечно. Ну, у меня он не вызывает такого чувства раздражения. Мне часто говорят: Сергей Яковлевич, мы на вашем «Ёжике» росли». Потом, может быть, «Бричмулла»... Мы свои программы так делаем, чтобы был баланс из тех популярных песен, которые люди хотят, и из тех новых, которые нас сегодня волнуют, которыми хотелось бы поделиться. Вот таким постепенным образом мы вовлекаем людей в процесс познания.

— Я знаю, что ваш сын живёт в Америке, сами вы там часто бываете. Расскажите о заокеанских фестивалях авторской песни. Отличаются ли они от наших?

— В мае мы были на фестивале в Пенсильвании. Разницы никакой, потому что чуждый язык — он где-то там, а на территории фестиваля — люди одной группы крови. Там ещё и особый отбор получается: под фестиваль снимают кемпинг с ограниченным количеством мест, и участники заранее стараются приобрести права на стоянку, билеты. Там и детей много, они говорят по-русски и сами поют. Бывают и забавные случаи: когда на территории штата Пенсильвания на сцену выходит семилетняя девочка и поёт: «А где-то бабы живут на свете, друзья сидят за водкою...» (прим. ред.: песня Александра Городницкого «Перекаты») на хорошем русском языке.

— Может быть, оплата участия в фестивале как раз и влияет на то, что нет случайных людей? А с другой стороны, коммерциализация — хорошо ли это?

— Она не такая страшная, эта оплата... Вот я, например, на Грушинский фестиваль много лет не езжу. Как только начались там дурацкие разборки, суды и коммерциализация пошла, я посчитал для себя необходимым быть подальше от всего этого. Предпочитаю камерные фестивали. Например, в посёлке Кизема Архангельской области, где Юрий Иосифович работал в школе после окончания педагогического института имени Ленина, следопыты раскопали всё это, и уже седьмой год там проводится фестиваль памяти Визбора. И там народ собирается из Архангельска, из Котласа, Сыктывкара, иногда бывают гости из столицы. Один раз мы приезжали вместе с внучкой Визбора, Варварой. Было замечательно.

— Кстати, по вашим наблюдениям, авторская песня в разных регионах чем-то отличается?

— Урал большой вклад внёс. И Екатеринбург, и Челябинск. Есть некое отличие, очень такое эфемерное, интонационное. Но вообще-то это пространство всё больше интегрируется благодаря коммуникациям, Интернету. Достаточно на каком-то концерте спеть новую песню — и кто-то её уже в Сеть повесил.

— И завершающий вопрос — опять же, о современной авторской песне. По вашему мнению, всё-таки это сейчас искусство одиночек или же нечто объединяющее людей?

— Художник всегда творил в одиночку, просто то, что он делал, может стать близко и интересно многим. Мне кажется, так всё и происходит. Пионерская организация нас воспитывала в духе коллективизма, и мы привыкли к тому, что глобальные вопросы решают дяди, а мы всегда готовы. И даже в движении КСП или любителей туризма этот дух коллективизма в нас силен, я бы сказал, а положительные вопросы решают дяди, а мы всегда готовы. И даже в движении КСП или любителей туризма этот дух коллективизма в нас силен, я бы сказал, а положительные вопросы решают дяди, а мы всегда готовы. И даже в движении КСП или любителей туризма этот дух коллективизма в нас силен, я бы сказал, а положительные вопросы решают дяди, а мы всегда готовы.

Каждое время рождает своих поэтов. Сейчас у нас смутное время, и трудно об этом говорить. Это, может быть, только лет через 20 мы поймём или будущие исследователи поймут, что характерно для наших дней. Мне немножко тревожно, что день грядущий нам готовит. Но функция духовного сопротивления в авторской песне — она была и остаётся. Я глубоко убежден: если ребёнок поёт «Зелёную карету» и «Ёжика», то, когда вырастет, ему будет очень трудно поднять руку на другого человека, участвуя в каком-то акте насилия. Поэтому мы должны не покладая рук способствовать процессу очеловечивания в окружающей нас человеческой среде.

Елена ЛЕЩИНСКАЯ
ответит на ваши вопросы
на сайте magmetall.ru

